

К читателю

Перед вами книга, первые строки которой написаны 65 лет назад, в самые трагические дни для Ленинграда и ленинградцев, когда вокруг города сомкнулось кольцо вражеской блокады.

К сожалению, авторов этих строк, этих дневниковых записей, составивших содержание книги, уже нет среди 190 тысяч блокадников, живущих сегодня в Петербурге.

Но сохранены эти пронзительные свидетельства повседневной жизни, быта, душевного и физического состояния очевидцев и участников страшных событий 1941–1944 годов.

День за днем, без прикрас и умолчаний вели записи обычные ленинградцы, разные по возрасту, по уровню образования, социальному положению — для себя, для самых близких людей. Чтобы сохранить память о пережитом, донести ее до детей и внуков.

Какую мудрость и ясность сознания, какое мужество и силу духа надо было иметь, чтобы, теряя от голода последние силы, ведя каждодневную борьбу за самосохранение, описывать происходящее под грохот артиллерийской канонады за окнами или под вой воздушной тревоги, находясь в бомбоубежище или в ночные часы в промерзшей комнате при свете тусклой коптилки! Это само по себе равноценно Подвигу!

Среди авторов дневников — инженеры, рабочие, школьные учителя, медицинские работники, подростки, только что окончившие школу. Они не были допущены к военным и служебным тайнам, не были информированы о принимаемых военных и политических решениях. В их дневниках почти нет критического осмысления событий и действий властей, свидетелями и подчас жертвами которых они являлись. Но эта подробная, откровенная хроника увиденной и пережитой повседневной жизни осажденного Ленинграда — важнейшая часть героического блокадного эпоса величайшей трагедии XX века.

И эта книга нужна нам, чтобы понять — как сумел выстоять наш «гранитный город славы и беды», и чтобы помнить — кому мы обязаны своей жизнью!..

Дневники, которые положены в основу книги, были переданы на хранение в рукописно-документальный фонд Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда родственниками авторов записей. Сведения об их жизни и судьбах, к сожалению, весьма скудны:

они даны в справочной части книги, наряду со сведениями о художниках-блокадниках, чьи работы мы воспроизводим на страницах издания. В справочной части приведены также современные наименования упоминаемых в дневниках названий улиц и других городских объектов блокадного времени.

Текст дневников (он дан курсивом) публикуется с сохранением особенностей стилистики, внесены лишь незначительные изменения, связанные с соответствием нормам пунктуации и орфографии.

В том случае, когда были целесообразны уточнения и пояснения, они даны по тексту в квадратных скобках. Имя автора указывается в конце публикуемого фрагмента, также в квадратных скобках.

Книга состоит из трех тематических глав, в каждой из которых фрагменты дневников хронологически объединены так, что перед читателем предстают события одного времени, прожитые разными людьми.

Текст дневниковых записей сопровождается фрагментами документов тех лет — сводок Совинформбюро, сообщений городского штаба МПВО, а также другими документальными сведениями, относящимися к истории блокады Ленинграда.

ВЫЖИТЬ! ВЫСТОЯТЬ! ПОБЕДИТЬ!

В начале сентября ленинградцы впервые непосредственно на себе испытали обжигающее дыхание войны. Обстрелы, бомбежки, все то, о чем они слышали или читали во фронтовых сводках, стало их повседневной реальностью. Перед каждым ленинградцем во всей трагической реальности стала перспектива возможной внезапной гибели от бомбы или снаряда, от голода или от стужи.

Несмотря на отчаянные меры по экономии продовольствия, его запасы таяли с каждым днем. Враг не скрывал своих намерений взять город измором. В ноябре нормы потребления продовольствия снизились до минимума, и начался массовый голод. Суровой зимой 1941–1942 годов из-за нехватки электроэнергии и топлива практически остановилась промышленность, остановился транспорт, вышли из строя инженерные сети и вся система жизнеобеспечения. Казалось, что город умер, и немцы близки к осуществлению своего коварного замысла — без уличных боев и связанных с ними потерь захватить опустевший город.

Между тем город жил. На промышленных предприятиях выполняли срочные заказы Ленинградского фронта. Не хватало электроэнергии — рабочие руками вращали валы машин. В котельных для получения технологического пара использовали дрова из разобранных деревянных домов. Для непосредственных участников обороны по решению Военного совета выдавались

БУДНИ ПОДВИГА

дополнительные продовольственные пайки. По ладожской трассе в город ввозили продовольствие и топливо, из города эвакуировали население и ценное промышленное оборудование. Выжить, спасти тех, кого можно спасти, означало сорвать планы врага.

Ленинград, несмотря на громадные потери, пережил первую блокадную зиму и сумел весной и летом обустроить свое существование в условиях продолжающейся вражеской осады. По мере относительной нормализации жизни росла уверенность в грядущей победе.

После прорыва блокады в январе 1943 года и открытия железнодорожного сообщения объемы перевозки грузов и людей значительно выросли. Предприятия Ленинграда не только бесперебойно снабжали фронт боеприпасами, но и наладили ремонт сложной боевой техники, что явилась важным подспорьем для сражающихся армий Ленинградского фронта. Крупнейшие машиностроительные заводы получили заказы на изготовление мирной продукции для восстановления хозяйства в освобожденных районах страны.

Все чаще городское руководство стало задумываться о послевоенном восстановлении. В Ленинграде было организовано специализированное ремесленное училище для подготовки мастеров-реставраторов для воссоздания архитектурных шедевров, пострадавших во время войны. Однако враг, окопавшийся на ближних подступах к городу, не унимался.

Именно в 1943 году до предела интенсифицировались артиллерийские обстрелы. Летом в отдельные дни их продолжительность доходила до 18 часов в сутки. Но варварские действия врага были уже не в состоянии поколебать боевой дух ленинградцев их уверенность в скорой и окончательной победе.

В долгие месяцы вражеской осады эта вера жила в душах наших земляков. В дни и ночи студеной блокадной зимы она едва теплилась. Некоторых ленинградцев покидало мужество и терпение, но такое настроение никогда не было преобладающим. Постепенно надежда на победу над врагом начала возрождаться и расти с каждым днем. Это чудо духовного подъема совершили своими делами сами осажденные.

1941

13 сентября

Печальный день сегодня. Утром, как всегда, проснулся, послушал сводку — оставили Чернигов. Где же и когда будет положен предел наступлению немцев? Не слушаю я первых строк сводки — кажется, что громим мы немцев почему зря, а в итоге оставляем то Днепропетровск, то Чернигов. Чья очередь будет следующая? Воюют партизаны, бьют наши, а результат все тот же. Чего-то не хватает, думается, самолетов, танков и общей линии поведения.

<...>

Послал своим близким письма — «на Шипке все спокойно». Зачем расстраивать их — ведь ни помочь, ни облегчить что-либо они не в силах, ну, значит, нечего и писать. Вот, делюсь с тетрадкой. Доживем — будет хроника Ленинградских страдных дней. [Кулябко]

Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г.К. Жуков проводил перегруппировки. Военские части снимались с второстепенных участков и перебрасывались на направления главного удара противника. Войска получили строгий приказ во что бы то ни стало удержать район Пушкина и Колпино.

ГКО направил в Ленинград уполномоченного по специальным делам зам. наркома НКВД В.Н. Меркулова для тщательной проверки подготовки взрыва для уничтожения предприятий на случай вынужденного отхода войск.

Сталин и нарком военно-морского флота адмирал Н. Кузнецов подписали приказ о подготовке к подрыву кораблей Балтийского флота.

16 сентября

Слухи о наступлении где-то в районе Новгорода, чтобы оттянуть немцев от Ленинграда, что-то затихли. А это и было бы тем чудом, которое спасло бы Ленинград со всеми его заводами, флотом и сокровищами науки и искусства. Все же сдача Ленинграда, с моей точки зрения, — преступление и позор для Родины.

Из сводок узнал — сдан Кременчуг. Значит, такой мощный естественный барьер — Днепр шириной в километр, глубокий, быстрый, — перейден. Неужели даже для уничтожения переправ у нас не хватило сил? Тогда где же дальше его задержать, когда рубежей больше нет, кроме Дона и Волги. А Донбасс, в чьих он руках

теперь? Если Днепр перейден у Кременчуга, то у Екатеринослава его так же легко перейти. Лучше не думать.

Выезда из города нет, да и не будет, наверное, по крайней мере, для нас, грешных. Возможно, что привилегированные и сумеют удрать в последний момент, хотя по дороге и для них, конечно, будут бомбежки. Ну, да не стоит задумываться об этом. [Кулябко]

Военный совет Ленинградского фронта утвердил план мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города Ленинграда на случай вынужденного отхода наших войск. Уничтожению подлежали свыше 140 важнейших предприятий и сооружений. Сигнал о начале операции должен был дать городской комитет ВКП(б) через секретарей райкомов директорам и секретарям парткомов предприятий. На 141 крупнейшем предприятии города созданы специальные «тройки».

«Ленинградская правда» вышла с передовой, одно название которой говорит об угрозе, нависшей над городом, — «Враг у ворот». Передовая отпечатана также листовкой. Она расклеена по городу и отправлена на фронт.

Из вечерней сводки Совинформбюро: В ночь на 16 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. <...>

В воздушных боях на подступах к Ленинграду авиачасть полковника Данилова сбила за один день 16 фашистских самолетов. Летчики части Неуструев, Пидтыкан, Абрамов, Харитонов, Жуйков и Плавский сбили в этот день по два вражеских самолета. <...>

Одна из наших танковых бригад, действующая на Ленинградском участке фронта, в успешном бою уничтожила 48 вражеских танков и бронемашин, 27 орудий и 13 минометов. <...>

Германское информационное бюро распространило сообщение о том, будто во всех районах Ленинграда «по указанию политкомиссаров» производятся взрывы общественных зданий и якобы уже разрушены вокзалы, почтамт, правительственные здания, школы, жилые дома и другие здания. Германское информационное бюро ссылается при этом на показания каких-то советских пленных.

Это сообщение германского информационного бюро является гнусной ложью. Оно свидетельствует о том, что немцы,

БУДНИ ПОДВИГА

подготавливая в широких масштабах бомбардировку невоенных объектов Ленинграда, стремятся заранее снять с себя ответственность за подобные варварские действия. Однако этот жульнический маневр не введет никого в заблуждение. Весь мир прекрасно знает, что гитлеровские мерзавцы способны лишь на самые подлые дела.

17 сентября

Кольцо вокруг Ленинграда сужается, обстреливается Кировский завод, он прекратил работу; это большая потеря для нас — ведь он делал танки, то, чего у нас сильно не хватает. Делаются баррикады на Лиговском пр., там, где он подходит к Международному, и далее по Международному. Всех жителей, семейных, кроме одиноких, выселяют из Кировского района до Нарвских ворот, и конец Международного до ул. Ленсовета. Переселяют на Васильевский остров и в другие более удаленные районы. Вот арена для дальнейших боев. Что из этого будет и что будет с жителями — никто не знает. Если это свершится — это будет страшнее бомбежки.

Кто бы мог думать, что через два с половиной — три месяца войны бои будут происходить на улицах Ленинграда, а теперь это становится фактом. Есть все же надежда, что до этого не дойдет. Говорят, что Стрельна опять наша, Гатчина — ничья, дворец, кажется, сгорел или разрушен, в Лигово стоят немцы, на севере финнов погнало и выгнало до бывшей линии Маннергейма, которую мы удерживаем, что движутся к нам свежие войска, а последние добровольцы — это не войска, они и не обучены, и стары, и неопытны. Слухи о каком-то сильном наступлении в районе Новгорода, которое дало бы возможность окружения сил немцев и заставило бы их отойти от Ленинграда. И прочее, и прочее, и прочее. Где правда, где самообман — не разберешь. А в репродукторе одно жужжат — «клянемся», «не отдадим», «не допустим» и прочие фразы, но, к сожалению, слова не стреляют и не убивают. Шостакович сейчас болтает о симфонии, которую он пишет, считает, что тоже стоит на боевом посту, но она тоже, к сожалению, не стреляет. Если бы все слова и симфонии стреляли, то от немцев давно бы уже только мокрое место осталось. До решающего момента, видимо, остались считанные дни. [Кулябко]

Выжить! Выстоять! Победить!

В ТИСКАХ ГОЛОДА И СТУЖИ

Проблемы с продовольствием в Ленинграде возникли уже в первые дни войны. На 1 июля в городе имелось запасов муки на две недели, крупы на два месяца, овса на три недели. В июле и августе запасы удалось немного пополнить. Вернулись в родной порт пароходы с продовольственными грузами, ушедшие в море до начала войны. Часть зерна вывезли из республик Прибалтики. От поставщиков в Ярославской и Калининской областях до установления блокады город получил 45 тысяч тонн зерна, 14 тысяч тонн муки.

С 18 июля 1941 года на всей территории страны было введено нормированное распределение продуктов питания. Население было разбито на четыре категории: рабочие, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет. Нормы продажи хлеба, который был и оставался основным продуктом питания для населения, составили соответственно 800 г, 600 г и — для двух последних категорий — по 400 г.

По свидетельству А.И. Микояна, отвечавшего по заданию Государственного комитета обороны (ГКО) за распределение товарных потоков, Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданов лично звонил Сталину и просил не направлять в Ленинград составы с зерном со складов госрезерва из западных районов страны под тем предлогом, что в городе их негде разместить. Нужно ли говорить, что блокадной зимой это зерно оказалось бы совсем не лишним.

БУДНИ ПОДВИГА

30 августа 1941 года ГКО принимает постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда». От наркоматов военно-морского и речного флотов потребовали срочно сосредоточить необходимые плавсредства для перевозки грузов от Лодейного Поля на реке Свирь до Ленинграда и подготовить фронт разгрузки в районе железнодорожной станции Ладожское озеро на западном берегу. Общее руководство организацией доставки грузов было возложено на заместителя наркома Военно-Морского Флота адмирала И.С. Исакова.

Осенью 1941 года на Ладоге не оказалось необходимого количества судов, многие находились в аварийном состоянии. Из 29 озерных барж на плаву держались только семь. Речных барж насчитывалось около сотни. Однако большинство из них можно было использовать при минимальной загрузке и только в тихую погоду. Флот располагал всего пятью озерными и несколькими речными буксирами. Для перевозки использовались все имеющиеся в наличии суда Северо-Западного речного пароходства и корабли Ладожской военной флотилии.

Первое снижение норм распределения в Ленинграде произошло еще до полной блокады города. С 2 сентября рабочим выдавали по 600 г хлеба, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — по 300 г. Сокращение продажи хлеба было сравнительно безболезненным — продолжали работу учреждения общественного питания и коммерческие магазины. Работники крупных предприятий и учреждений имели возможность пользоваться услугами ведомственных столовых.

После проведения 6 и 7 сентября 1941 года детального учета продуктов питания и сырья для производства в гражданских и военных организациях выяснилось: хлеба, зерна, муки и сахара в городе по действующим нормам хватит на 35 суток, крупы и макарон, включая муку, выделенную на производство макарон, — на 30, мяса и мясопродуктов (включая живой скот в переводе на мясо) — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток. Для мирного времени резерв вполне достаточный, но в условиях, когда традиционные пути подвоза находились в руках противника, а водный путь по Ладожскому озеру еще только осваивался, запасов было катастрофически мало.

1941

10 сентября

Соседка по квартире Шурочка принесла мне черный хлеб. Итак, белый кончился — нельзя было продавать по коммерческим ценам, раз нет подвоза. Окраска этой коммерции дрянная. Кто имеет деньги — кушайте белый, а кто с ограниченными возможностями — можете лопать черный. То же деление на имущих и неимущих. Это можно было допустить как средство выкачивания денег лишь тогда, когда имеется полная обеспеченность снабжения белым хлебом и тех, и других. [Кулябко]

11 сентября

Экономно расходую продукты, особенно питательные средства, т. е. яйца, топленое масло. Картофель варю и ем с подсолнечным; да и с картошкой остро — ее просто нет, как нет никакой зелени вообще. Масса окрестных огородов уничтожена окопами, эвакуацией населения и прочим. Вот и приходится думать о будущем, рассчитывать каждую крупинку, так как в дальнейшем стоит призрак, некто в сером — голод. Но если немцев отбросят, будет лучше. А все же, говорят, много сахара и постного масла погибло — результат бомбежки. Хлеб еще дают — 400 г в день, что будет дальше — неизвестно. Расходую прежние небольшие запасы сахара, а вот если круп не будет, это уже много хуже. Ну, да это еще неизвестно. Авось, проживем, и это меня сейчас уж не так сильно тревожит.

Буду пить кофе — с черным хлебом, но отношусь к этому философски. Был бы только круглый, а если будут только «кирпичи», то это значительно хуже.

Заходила соседка. Сообщила неприятную вещь — хлеб с завтрашнего дня уменьшен до 300 г в день. Это уже нехорошо, не исключена возможность дальнейшего уменьшения. А как же считали, планировали, если с 1 по 11 сентября уменьшили вдвое норму? Все остается, как было, — земля велика и обильна. [Кулябко]

12 сентября

Зашел за хлебом — увы, сегодня уже 200 г, это уже плохо, думаю прибегнуть к иным источникам увеличения пайка. Купил сосисок 300 г, стоял за картофелем — не получил. Хотел купить

БУДНИ ПОДВИГА

сельдей по карточкам, но их нет, это очень нехорошо, так как сельдь питательна. Пообедал — 9 картофелин, волошский орех с постным маслом и 4 сосиски с черным хлебом. Сейчас буду готовить кофе. Если так будет, то еще жить можно. Пришел домой, спина болит, лег и заснул на полтора часа. [Кулябко]

Блокадную навигацию на Ладоге открыл пароход «Орел», доставивший в Осиневец две баржи с 800 тоннами зерна. Суровое и своенравное озеро не скупилось на сюрпризы. С 23 по 27 октября из-за сильнейшего шторма ни одно судно не смогло выйти из порта. В течение последующих 28 дней сообщение оставалось нерегулярным.

Перевозки осуществлялись по так называемой большой трассе Гостинополье — река Волхов — Новая Ладога — бухта Морье (на западном берегу) или Осиневец. В Гостинополье грузы с железной дороги переносились на мелкосидящие суда и подвозились в устье реки в Новую Ладогу. Там их перегружали на суда, имеющие право выходить в озеро, и транспортировались на западный берег. Таким трудоемким способом пришлось доставлять все необходимое в блокированный Ленинград.

13 сентября

Вышло обязательное постановление — строжайшая экономия электричества, запрещение пользования электроприборами. Это для меня очень плохо, ведь норма керосина — 2,5 л в месяц, этого и на чайник не хватит, не говоря уже о том, что сегодняшние 2,5 л завтра могут превратиться в пол-литра и даже в нуль. Вообще, впереди мало хороших или даже сносных перспектив. Но надо пережить и дожить до иной, лучшей жизни, хотя это «дожитие» в руках случая. [Кулябко]

14 сентября

Предлагают мне перейти на жительство в институт, подумаю, спать будет удобно, довольно хорошее бомбоубежище, мною же и укрепленное, не будет забот с электричеством (электроприборы запрещены, и самая строгая экономия) и с керосином. Правда, я успел запасть десятью литрами, но все же этого ненадолго хватит, хотя, что гадать о долгом сроке. Звонил Д.К., но не работает телефон. Решил его навестить — теперь всего можно ждать. [Кулябко]

16 сентября

Эта чертова кукла Анна Сергеевна сама навязалась постирать мне белье, да так заверила, что велела, чтоб я его обязательно замочил, что я и сделал с добавкой нашатырного спирта. На другой день — ее нет, вчера — нет. Что же мне оставалось делать? В половине одиннадцатого сам затеял стирку, расположившись так, чтобы это по возможности не ухудшило моего состояния. Три с половиной часа я его стирал, или лучше — оно меня стирало, два раза с мылом. Потом сготовил обед (меню все то же), лежал полтора часа и начал полоскать. Но не развешивал — уже устал и боялся сорваться.

Сегодня утром развесил. Вышло гораздо чище, чем у А.С., и нет этого запаха мыла. Спирт нашатырный очень помогает. Учту на будущее, хотя оно и рисуется в мрачных тонах.

Одно «если» — голод, признаки его уже теперь есть, чувствую даже в отношении себя, уже неделю не чувствую себя сытым, так как основного — картофеля и хлеба — практически нет. Ведь 200 г в день это не хлеб, а картофеля и вообще нет, да и откуда его возьмут, когда все окрестности заняты немцами. Масса людей в очередях у столовых — это тоже показатель. А что будет дальше, когда и в столовых ничего не будет, а если, не дай Бог, немцы займут город — нас-то они ведь не будут кормить. Призрак голода стоит на близком расстоянии, только чудо нас может спасти. [Кулябко]

Из докладной записки уполномоченного наркомата заготовок 16 сентября: Значительная часть убранных на полях Ленинградской области овощей и картофеля оставлена без надзора на полях и либо разворовывается, либо местными райсоветами передается воинским частям. Например, во Всеволожском районе 14.IX до 500 т картофеля лежит на полях и не вывозится из-за отсутствия транспорта, в день ходят из Володарского района 1–2 машины. В колхозе «Пахарь» Слуцкого района в течение 3 дней картофель — 10 т был оставлен в поле, из которых 6 т было разворовано, а 4 т Слуцкий райсовет вынужден был отдать воинским частям на месте. В колхозе «Вирки» Колтушевского сельсовета Всеволожского района лежит накопанный картофель в количестве 60 т и 15 т капусты; таких фактов привести можно много.

ПОД ОГНЕМ

Накануне войны в Ленинграде проживало примерно 3 миллиона 300 тысяч человек. До 1 октября 1941 года в вооруженные силы была призвана 431 тысяча человек. До начала блокады город покинули около 489 тысяч ленинградцев и в тоже время прибыло более 100 тысяч беженцев из Прибалтики и оккупированных районов Ленинградской области. Таким образом, в начале осады в городе оставалось около 2 миллионов 400 тысяч жителей. Отказавшись в середине сентября 1941 года от немедленного штурма, гитлеровское командование решило взять город измором. Обстрелы, бомбардировки, перехват коммуникаций — традиционный набор средств и способов борьбы с осажденными с древнейших времен.

Ленинградцы противопоставили врагу мужество, стойкость и растущее день ото дня воинское мастерство.

Силы ПВО города во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта и Краснознаменным Балтийским флотом оборонялись весьма эффективно, иначе разрушений, причиненных Ленинграду было бы значительно больше. Самоотверженные действия летчиков истребительной авиации и губительный огонь зенитчиков вынуждали вражеских пилотов бомбить с большой высоты и таким образом вероятность поражения жизненно важных объектов существенно снижалась.

Германское командование отдавало себе отчет в бесполезности с военной точки зрения действий авиации над Ленинградом

БУДНИ ПОДВИГА

и тем не менее упорно их продолжало, хотя и малыми силами. Наиболее сильная артиллерийская группировка немцев находилась западнее Урицка. В группировку входили три дивизиона артиллерии с орудиями калибра 105–150 мм и два тяжелых дивизиона с орудиями калибра 180–210 мм.

У обороняющихся на первом этапе не было адекватных средств активного противодействия варварским действиям противника. Советская пушка калибра 152 мм образца 1935 года имела дальность 25 км. Другие орудия имели предельную дальность 9–21 км. К тому же нападающая сторона имело преимущество в размерах цели.

Немецким артиллеристам было все равно, куда попадет их «гостинец»: в больницу, музей, жилой дом, заводской цех или некий военный объект.

Нащупать на расстоянии в два десятка километров точечный объект чрезвычайно трудно. Именно этим были вынуждены заниматься ленинградские артиллеристы. Первое время не хватало снарядов. Суточная норма на орудие в конце 1941 года составляла всего 3–4 снаряда.

Для снижения людских потерь немало сделали бойцы районных формирований местной противопожарной обороны (МПВО), в которых около 80 % составляли женщины. Была отлажена служба оповещения. Дежурные на улицах решительно требовали от жителей, застигнутых внезапным обстрелом, укрыться в бомбоубежище. Однако, как известно, дисциплинированность и строгое исполнение полезных предписаний не принадлежат к числу явных достоинств наших сограждан. Постепенно ленинградцы привыкли к почти ежедневным обстрелам и стали относиться к ним фаталистически. Игнорирование артобстрелов стало для некоторых ленинградцев доблестью.

1941

8 сентября

Ну вот, началось. Тревога за тревогой. Кончилась мирная жизнь. Грохают зенитки. Огненной чертой бороздят небо ракеты, прожектора. Опасность где-то близко, совсем близко. [Ивлева]

Наш эшелон стоял на запасных путях около Международного проспекта. Вдруг загудели сирены, паровозные и заводские гудки: «Воздушная тревога». Все выбежали из вагонов и бросились на землю. Загрохотали зенитки, стало жутко. А в небе мы увидели фашистские самолеты. Первый строй (10–12 самолетов) пролетел над нами. Показался второй (тоже 10–12 самолетов)... И тут началось... От самолетов полетели вниз какие-то черные предметы (это оказались зажигательные бомбы). Наташе показалось, что это «ласточки». <...> Но все эти «ласточки» стали расти, десятками падать на землю, шипя, разбрызгивая фосфорические искры, взрываться. Все вокруг запылало: горели мусор, бараки, сараи. Люди бегали и тушили «зажигалки» землей — кто с лопатой, кто с доской, а кто и просто горстями. Около бараков бегали, кричали, плакали. Над городом стояло зарево, висел черный дым. [Соколова]

В ночь с 7 на 8 сентября на территорию Главной водопроводной станции попало 7 фугасных и более 50 зажигательных бомб. Две фугасные бомбы повредили подземные резервуары чистой воды, основные фильтрационные сооружения, трубопроводы, подающие воду в городскую сеть и другие технологические объекты. «Зажигалки» вызвали многочисленные пожары. Территория станции была залита потоками воды. Однако, несмотря на серьезные повреждения, станция не была остановлена — город нуждался в подаче воды для тушения многочисленных пожаров.

9 сентября

Беспрестанные тревоги с 7 часов утра. Передышки на 5–10 минут. Вчера много натворили. Сбросили две бомбы у Финляндского вокзала — разрушены дома, конечно, не без жертв. У нас дом закачался, настолько был силен взрыв. Страшно сидеть в это время в коробке и ждать, когда... Нет, надо выходить. [Ивлева]

Вчера в 7 часов и в 10 часов 30 минут были серьезные налеты. Были бомбы, разрушенные дома, пожары и жертвы. Дом на Старо-

БУДНИ ПОДВИГА

Невском разрушен, идут раскопки, упал сбитый самолет в районе 10-й Советской улицы, упала, но не разорвалась бомба на Сенной площади возле церкви. Где-то в районе Витебского вокзала — пожар. <...>

В 7 часов вечера была ужасающая стрельба зениток, казалось, что снаряды рвутся над самым нашим домом, затем были отдаленные глухие выстрелы. То же было и ночью. Я встал с постели, потушил свет и стал смотреть в окно. Ясная лунная ночь, иногда видны были вспышки разрывающихся снарядов, прожектора шарили по небу, и луна светила во все лопатки. Четыре раза слышал шум самолетов немецких (он не такой, как у наших), и тогда снова поднималась стрельба. Слышал взрывы сбрасываемых бомб. Но спокойствия не потерял нисколько, только какая-то нервная напряженность чувствовалась. Затем я снова улегся и стал читать. Квартира абсолютно пустая. Соседи ушли в газоубежище.

Тревоги снова и снова. В 10 часов вечера — уже десятая по счету. Сильная стрельба, в небе вспышки не то разрывов, не то сигнальные огни красного цвета, не то ракеты. Слышен гул самолетов — не наших, через некоторое время — зенитки и, по-видимому, взрывы бомб, несколько.

Стихло. 10 часов 35 минут. По официальным приблизительным подсчетам за вчерашний день сбито 5 немецких самолетов. Жаль — мало. Говорят, на Московской товарной был пожар в складах сахара и подсолнечного масла. Ну, и довольно об этом, если не будет чего-либо экстраординарного.

Я с 6-го числа нездоров, все тот же ишиас, но в легкой степени, так что с трудом, но хожу с палочкой, варю кофе, неизменный густой кулеш из пшена или гречневой. Это, конечно, затягивает болезнь, но выхода нет. Сегодня лучше. Вчера была медсестра, сегодня врач — Сергеева. Дала бюллетень до 12 октября. [Кулябко]

Нахожусь на командном пункте МПВО Нарвского района. Разрывы и падения бомб потрясают все здание. Сообщают о большом количестве пострадавших. Даю приказания о выезде медико-санитарных команд и дружин. Выхожу в очаг сам. Ушаковская улица. На улице сплошной шквал огня. Вспышки от выстрелов зенитных орудий, продолжающихся падений и разрывов бомб. Режущий холодающий звук падающей бомбы. Впечатление, что они падают на тебя. Дважды падаю на землю. Встаю и иду дальше. Очаг. Какой

Под огнем

дикий ужас! Разрушенный дом. Стоны и крики умирающих, изуродованные трупы. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: В 22 часа 25 минут тремя фугасными авиабомбами разрушен корпус 19-го галошного завода. Ранено 44 человека, убито 12 человек.

10 сентября

В 10 часов с половиной — тревога, и пошла стрельба вовсю. Слышен гул немецких самолетов, и тогда стрельба усиливается. Слышал 5–6 взрывов фугасных бомб, очевидно, «есть убитые и раненые», как пишут в сводках, и пострадавшие жилые дома. [Кулябко]

Тревоги продолжались целый день. А вечером чуть было и нам не попал гостинец. Случайно на этот раз остались живы, целы. Когда же наш черед? Опять тревога. [Ивлева]

8 и 10 сентября интенсивной бомбардировке подверглись Бадаевские склады. Из 135 строений уничтожены огнем 45.

На складах во время налета не хватало пожарного инвентаря, бойцов местного формирования МПВО, средств пожаротушения и пр. Крыши многих строений были настолько ветхими, что падающие зажигательные бомбы легко проваливались вовнутрь, где тотчас возникал пожар, который вовремя не удалось локализовать. На имеющиеся недостатки неоднократно указывал своему руководству директор складов, но начальство, обремененное, как ему казалось, более важными заботами, от него отмахнулось.

В ходе следствия, возбужденному по факту пожара, было выявлено много других нарушений, допущенных разными должностными лицами, тем не менее Военный трибунал войск НКВД Ленинградского фронта возложил всю ответственность на директора складов, начальника штаба МПВО и начальника пожарной охраны. Трибунал приговорил каждого из фигурантов к десяти годам лагерей. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Из документов Городского штаба МПВО: В 22 часа 09 минут фугасной авиабомбой разрушен дом на ул. Маяковского, 9. Ранено 43, убито 2 человека.

В 22 часа 30 минут четырьмя фугасными авиабомбами полностью разрушен трехэтажный дом 25 и повреждены дома 27/14 и 26/а по Гесперовскому пр. Ранено 124 человека, убито двое.

Характерно, что в это время в Москве не было ни одного человека, который бы не знал, что в Сталинграде...

Цена Подвига

Враг, терзавший город, был навсегда отброшен и разбит 27 января 1944 года. Этот день стал последним днем ленинградской блокады. Цена этой победы огромна. Только по неполным данным:

— безвозвратные потери советских Вооруженных Сил составили около **980 тысяч человек**;

— санитарные потери советских Вооруженных Сил составили почти **2 миллиона раненных, больных, обмороженных, обожженных, контуженных**.

По официальным данным, обнародованным советским обвинением на Нюрнбергском процессе:

— за 872 дня этой героической и трагической эпопеи в городе погибло **632 253 человека**.

По результатам исследований историка В.М. Ковальчука и ряда других ученых:

— в городе от голода, холода, снарядов, бомб и болезней погибло не менее **800 тысяч человек**, а с учетом пригородных районов до **1 миллиона мирных жителей**.

По официальным данным городской службы МПВО:

— артиллерия противника выпустила по городу более **150 тысяч снарядов**, жертвами артобстрелов стало более **17 тысяч человек**;

— на город сброшено **74 289 зажигательных и фугасных бомб**, жертвами бомбежек стали **1 926 убитых, 10 554 раненых жителя города**.

По данным городского треста «Похоронное дело»:

— только в период между 1 июля 1941 года и 1 июля 1942 года в городе было захоронено **1 093 695 человек**; эти данные не полные и не точные, герои и жертвы войны захоронены на десятках кладбищ города; крупнейшее место массовых захоронений — всемирно известное Пискаревское мемориальное кладбище, где обрели вечный покой **490 тысяч человек**.

Смерть преследовала эвакуированных ленинградцев и за пределами блокадного кольца. По приблизительным подсчетам только в пути следования через Вологодскую и Ярославскую области за весь период эвакуации умерли **15 тысяч человек**.

Инвалидами стали не менее **100 тысяч жителей города**.

Значительный ущерб был нанесен жилому фонду:

— полностью разрушены **3 174 здания**, общей жилой площадью **2,5 миллиона кв. метров**;

— более **20 %** всего жилого фонда, представлявшего собой деревянные постройки, было разобрано на дрова;

— повреждены **7 143 здания**, среди них десятки выдающихся памятников мировой культуры.

Огромный ущерб, нанесенный городскому хозяйству:

— выведено из строя **75 %** ленинградской промышленности;

— общие потери в денежном выражении — **5,5 миллиарда рублей**, что составило четвертую часть довоенного уровня.

...На 1 января 1944 года в Ленинграде было зарегистрировано **551 908 человек**, в том числе **116 032 детей до 16 лет**...

Десятки тысяч жителей города не смогли вовремя получить хорошее образование и профессию, прочитать нужные книги и накопить необходимые знания, навыки и столь необходимый культурный багаж. Всю оставшуюся жизнь они были вынуждены заниматься тяжелым малоквалифицированным трудом.

Блокада задержала культурный и духовный рост населения, породив в массовой психологии фобии, которые в дальнейшем умело использовала власть в своих целях.

Голод и лишения блокадной поры сказались на состоянии здоровья родившихся после войны детей и даже внуков ленинградцев.

Всем жертвам блокады, всем выстоявшим ленинградцам — вечная слава и благодарность потомков!

Об авторах дневников и воспоминаний

Представленные ниже сведения весьма кратки ввиду того, что дневники, фрагменты из которых публикуются в книге, поступили в Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда либо от родственников, либо от соседей авторов или просто от случайных людей, мало знавших тех, чьи самоотверженность, мужество и мудрость позволили создать и сохранить бесценные свидетельства героической трагедии Ленинграда и его жителей.

Балашев И.И. В годы блокады зав. военным отделом Выборгского РК ВКП(б). Воспоминания датированы 21 февраля 1980 года. Фрагмент воспоминаний публикуется по машинописному авторскому оригиналу.

Берман А.Г. С сентября 1941 г. инспектор районного учетного бюро заборных книжек. Выдержки из дневника печатаются по рукописной копии, переданной родственниками в архив Пискаревского мемориального кладбища.

Бирюкова С.Н. До войны домохозяйка, в годы блокады работала сторожем в домоуправлении. Блокадные воспоминания записаны ее сыном кандидатом исторических наук А.В. Бирюковым.

Владимиров В.С. В начале блокады работал на заводе, учился в Военно-учебном пункте. В конце апреля 1942 года призван в действующую армию. Фрагменты дневника публикуются по авторской рукописи. Записи начал вести младший брат Борис, умерший от голода в январе 1942 года.

В.Н. Под этими инициалами публикуются фрагменты дневника Владимира, внучатого племянника великого русского художника Н.Н. Ге. В годы войны находился в действующей армии на Ленинградском фронте, читал лекции на политические темы, был секретарем парторганизации батальона. Фрагменты дневника печатаются по подлинной рукописи.

Горшков Н.П. Родился в 1892 году. В годы блокады старший бухгалтер в Ленинградском институте легкой промышленности. В декабре 1945 года был арестован по обвинению в антисоветской агитации. Умер в лагере в 1951 году. Блокадный дневник был приобщен к судебному делу и долгие годы хранился в архиве.

Дневник был дважды опубликован по инициативе и при участии Управления ФСБ по Петербургу и Ленинградской области. Небольшой его фрагмент взят из издания 1993 года.

Евдокимов А.Ф. Родился в 1917 году. В годы блокады рабочий, мастер участка военного завода «Краснознаменец», передовик производства. Фрагменты блокадного дневника публикуются по подлинной рукописи.

Ивлева В.М. Родилась в 1902 году. В 1925 году окончила Ленинградский институт социального воспитания нормального и дефективного ребенка. В 1938 году закончила вечернее отделение факультета русского языка и литературы Педагогического института им. Герцена. В том же году перешла на работу в 36-ю школу Выборгского района учительницей русского языка. Во время эвакуации с 1942 по 1945 годы работала учителем русского языка и завучем во 2-й средней школе г. Череповца. После возвращения в Ленинград работала завучем и преподавала русский язык в 115-й школе Выборгского района. Скончалась в 1997 году. Фрагменты блокадного дневника печатаются по машинописной копии.

Капранов Б. Родился в 1924 году. Жил и учился в Колпине. В начале блокады боец Комсомольского противопожарного полка, затем поступил в Военно-политическое училище. В начале зимы 1941 года был отчислен из училища по его настойчивой просьбе. В декабре 1941 — январе 1942 годов жил с семьей в общежитии эвакуопункта. Умер в эвакуации от последствий голода. Фрагменты дневника печатаются по подлинной рукописи, присланной по почте его братом в 1997 году.

Коровкин С.М. В 1942–1945 гг. командир огневого взвода батареи 120-мм минометов 462-го Нарвского стрелкового полка 131-й Ропшинской Краснознаменной стрелковой дивизии. Участвовал в боях по полному освобождению Ленинграда от вражеской осады. Публикуются фрагменты из воспоминаний, написанных к 40-летию освобождения Ленинграда от блокады.

Кулябко В.Г. Родился в 1876 году в г. Хороле Полтавской губернии. В 1903 году закончил Харьковский технологический институт. С 1937 года и до момента эвакуации в феврале 1942 года работал в Ленинградском механико-технологическом институте холодильной промышленности в качестве инженера-консультанта. В декабре 1944 года вернулся в Ленинград и продолжал работать в том же институте до конца жизни. Скончался в Ленинграде 21 октября 1946 г.

Лившиц З.С. В блокаду работал инженером на Фабрике спортивного судостроения. Рукопись дневника открывается рабочими записями, посвященными его производственной деятельности. Далее записи посвящены повседневной жизни и работе в осажденном городе.

Миронова Е.И. С начала блокады до лета 1942 года работала в Ленинграде. Весной 1942 года работала в одном из пригородных сельхозпредприятий, находившемся в блокадном кольце, затем поступила на службу в действующую армию. В составе стрелкового корпуса участвовала в освобождении

Ленинградской области, Прибалтики и Польши. После войны вернулась в Ленинград. Отрывки из дневника публикуются по машинописной копии в авторской редакции 1958 года.

Назимов И.В. В годы блокады главврач 23-й поликлиники, зав. райздравотделом Кировского райсовета, заведующий отделом внебольничной помощи горздравотдела. Фрагменты дневника публикуются по подлинной рукописи.

Нехлюдова Т.П. В годы блокады работала в ансамбле песни и пляски попитуотдела 23-й армии Ленинградского фронта. Фрагмент дневника публикуется по подлинной рукописи.

Павлушкина А.Г. Родилась в 1917 году. В июне 1941 года окончила Военно-медицинскую академию. Служила в Ленинграде в различных подразделениях Краснознаменного Балтийского флота. В книгу включены фрагменты ранее непубликовавшейся рукописи «Записки военного врача» (1980).

Ползикова-Рубец К.В. Школьный учитель истории, лектор Государственного Эрмитажа. Вела дневник всю блокаду. Фрагменты дневника цитируются в «Блокадной книге» А. Адамовича, Д. Гранина. Умерла в 1946 году.

Рыбина Н.В. В 1941–1942 годах служила медсестрой в звании старшины медицинской службы в военном госпитале в Ленинграде. Летом 1942 года направлена в действующую армию. В составе 124-й стрелковой дивизии участвовала в боях на «Невском пятачке», прорыве и снятии блокады, разгроме финской армии на Карельском перешейке. После победы дивизия была переброшена в Монголию, где вела бои против сил японской Квантунской армии. Фрагмент дневника публикуется по подлинной рукописи в авторской редакции 1979 года.

Самарин П.М. В годы блокады работал заместителем начальника цеха вычислительных машин Ленинградской фабрики машучета. Отрывки из блокадного дневника публикуются по подлинной рукописи.

Соколова Н.Ф. В 1941 году работала врачом-педиатром, зав. отделением детской больницы им. К.А. Раухфуса. В осажденном Ленинграде находилась до конца марта 1942 года. Небольшой фрагмент воспоминаний взят из сборника «Медики и блокада: взгляд сквозь годы» (1997).

Ходорков А.Л. В начале войны главный инженер 8-й ГЭС. В годы блокады главный инженер 5-й ГЭС. Фрагменты блокадного дневника публикуются по машинописной копии.

О художниках

Ниже приведены краткие сведения о художниках, графические работы которых, сделанные ими в годы блокады в Ленинграде, воспроизведены в этом издании. Курсивом указаны страницы, на которых они размещены.

Гагарина Л.И. Родилась в 1902 году. Живописец, график. Первоначальное художественное образование получила в Царицыне (ныне Волгоград). С 1928 года училась в Ленинграде в Художественно-промышленном техникуме и в Институте живописи, скульптуры и архитектуры. Во время войны находилась в блокированном Ленинграде. Работала в Доме Красной Армии. Написала ряд декоративных панно. Автор серии офортов «Ленинград в блокаде». Скончалась в 1984 году. *35*

Пахомов А.Ф. Родился в 1900 году. График, живописец, иллюстратор детской книги. Народный художник РСФСР. Профессиональную деятельность начал в Ленинграде в 1922 году.

В блокаду жил и работал в Ленинграде, осенью 1941 года работал над патриотическими плакатами для детей, делал зарисовки в госпиталях и городских моргах. В 1942–1944 годах создал знаменитую серию эстампов «Ленинград в дни блокады», которая принадлежит к числу выдающихся произведений отечественной графики. Скончался в 1973 году. *27, 75, 171, 203*

Ушин А.А. Родился в 1927 году. График-станковист и книжный иллюстратор. Закончил среднюю художественную школу. Вместе с отцом — известным художником-графиком — оставался в блокированном Ленинграде. Выполнял различные оформительские работы. В возрасте 14 лет был командантом МПВО в своем доме.

Одной из главных в его творчестве стала тема Ленинградской блокады. Скончался в 2005 году. *15, 47, 53, 67, 119, 153, 235, 245, 251, 293*

Юдовин С.Б. Родился в 1892 году. График. С 1910 года учился в Петербурге. Профессиональную творческую деятельность начал в 1916 году. В Ленинграде жил с 1924 года.

С первых месяцев блокады до лета 1942 года работал в городе над большим циклом «Ленинград в дни Великой Отечественной войны». Эти работы стали впоследствии основой для создания серии литографий на темы войны. Скончался в 1962 году. *41, 81, 139, 147, 177, 187, 257*